Черная маска. Избранные рассказы о Раффлсе

Автор:
Эрнест Уильям Хорнунг

Черная маска. Избранные рассказы о Раффлсе

Эрнест Уильям Хорнунг

Раффлс, вор-джентльмен #2

Эрнест Уильям Хорнунг (1866–1921) – английский писатель, автор серии произведений о Раффлсе – взломщике-любителе времён викторианской Англии. Эти рассказы принесли писателю общенациональную известность.

Чем привлекает Раффлс? Он джентльмен, человек с принципами. Он хорош собой и в отличной спортивной форме – чемпион Англии по крикету. При этом он гениальный мошенник, с блеском проворачивающий афёры настолько тонкие и сложные, что у читателя захватывает дух. Раффлс не применяет насилия, не отнимает у жертвы последнего, его противоправные деяния – на грани высокого искусства. Готовя и совершая преступления, он превыше всего ценит красоту их замысла и виртуозность воплощения.

«Чёрная маска» (1901) – второй сборник рассказов Хорнунга, подробно описывающий приключения джентльмена-вора А. Дж. Раффлса. Его преступления по-прежнему изобретательны и будоражат сытую, размеренную жизнь высшего общества.

Рассказы о Раффлсе не раз адаптировались для театра и кино, по их мотивам был снят телесериал «Raffles» (1975).

Эрнест Уильям Хорнунг

Чёрная Маска

Никакой лёгкой работы

I

До сих пор не знаю, что удивило меня больше: телеграмма, в которой мне настоятельно рекомендовали прочитать объявление, или же само объявление. Пока я пишу эти строки, телеграмма лежит передо мной. Похоже, она была отправлена на улице Вере в восемь часов утра 11 мая 1897 года, а получена меньше чем через полчаса в Холлоуэй. Телеграмма нашла меня в этом сером уголке, ещё неумытого, но уже за работой, пока мой чердак не нагрелся, и мне не стало невыносимо здесь находиться. Вот она – слово в слово:

«Прочитай объявление господина Матурина в Дейли Мейл может тебе подойти прошу попробуй свяжись если понадоблюсь».

Телеграмма, казалось, написана на одном дыхании, а вот у меня дыхание перехватило. Инициалы в конце телеграммы вызвали у меня огромное удивление, их я писать здесь не буду. Автором телеграммы был посвящённый в рыцари делец, приёмный кабинет которого располагается на расстоянии одной короткой поездки в кэбе от улицы Вере, и который однажды за свои прошлые грехи назвал меня своим родственником. Совсем недавно он называл меня другими именами. Я был позором, который иначе как прилагательным «другой» он не именовал. Он хотел, чтобы я забился в какой-нибудь уголок и молча в нём умер. Мне нельзя показываться в том доме даже на минуту. Всё это, и даже более того, мой наименее отдалённый родственник мог бы сказать любому человеку в лицо. Он мог бы вызвать одного из своих людей и отчитать его, а после смягчиться и написать подобную телеграмму! Я просто поражён. Я не мог поверить своим глазам. Но чем больше я смотрел на это послание, тем больше я убеждался, что оно от него, только он мог написать подобную эпистолу. Скупо недоговаривающий, нелепо точный, жертвующий осмысленностью ради экономии полпенни, но всё же тратя деньги на написание «господин» Матурин –

да, это был мой высокоуважаемый родственник от его лысеющей макушки до мозолей на ступнях. Если подумать, то содержание письма вполне могло быть придумано им. Он был известен как человек, заинтересованный в благотворительности. Возможно, он, наконец, решил вести себя согласно своей репутации. Если причина не в этом, то велика вероятность, что он решил поступить импульсивно, как известно такие порывы появляются даже у самых расчётливых особ. С утренней чашкой чая ему принесли свежие газеты, его взгляд остановился на объявлении, и его накрыла волна вины.

Я должен увидеть всё собственными глазами и как можно скорее, хотя работа не терпела отлагательств. Я писал статьи о жизни в тюрьме, намереваясь нанести удар всей системе, мои филантропические «обвинения» печатали ежедневно и чем они тяжелее, тем лучше. За моё творчество мне платили не так много, но на некоторое время мне хватало. Мой первый чек с оплатой прибыл в восемь утра, вместе с почтой. И я должен быть благодарным своей работе, ведь даже для покупки Дейли Мейл мне пришлось тут же обналичить чек.

Что можно сказать о самом объявлении? Я бы привёл его здесь, но не мог найти, всё, что я помню, это отдельные фразы, вроде «медбрат и постоянный помощник», которого «наймут в помощь пожилому джентльмену». Медбрат! Эта странная позиция, предлагающая «щедрую оплату для выпускника университета или частной школы». Прочитав это, я понял, что должен попробовать устроиться туда. Разве существуют другие выпускники университетов и частных школ, мечтающие о подобной работе? Найдётся ли более нуждающийся человек, чем я? Не стоит забывать и о моем смилостивившемся родственнике, который пообещал не только дать мне рекомендации, но и являлся самым подходящим для этого человеком. Разве найдутся более выдающиеся рекомендации для медбрата? И потом, обязанности медбрата не обязательно должны быть отталкивающими и вызывать лишь отвращение. Определённо, условия проживания там будут лучше, чем жизнь на чердаке. И питание, и множество других аспектов моей жизни, о которых я мог лишь вспоминать в своём угрюмом убежище. Размышляя об этом, я завернул в ломбард, где я был впервые и только ради этого объявления о найме. Примерно через час я в приличном, но немного старомодном костюме, слегка пострадавшем от моли, и в новой соломенной шляпе направился к трамвайной остановке.

В объявлении был указан адрес квартиры в Эрлз-Корт, пришлось тащиться с пересадками через весь город и от местной железнодорожной станции пройти

семь минут пешком. Уже минул полдень, и нагретый деревянный тротуар на Эрлз-Корт Роуд издавал приятный смолистый запах. Было здорово вновь оказаться в цивилизованном мире. Я встречал джентльменов в пальто и леди в перчатках. Единственное, чего я опасался, идя по этой улице, это нежелательной встречи с кем-то, кого я знал в прошлом. Но сегодня был мой счастливый день. Я чувствовал это всеми клеточками своего тела. Во мне росла уверенность в том, что эта должность достанется мне. Я уже видел себя, ступающего по этой улице в будущем, по поручениям пожилого джентльмена, возможно, он даже сам захочет проехать по этому тротуару в своём инвалидном кресле.

Подойдя к дому, я изрядно занервничал. Апартаменты были совсем небольшими, вдалеке от улицы, я мысленно пожалел беднягу доктора, чьё имя было на одной из табличек, указывающей на крохотною комнатушку на первом этаже, я подумал о нём, как о не менее нуждающимся человеке. Себя я тоже жалел. Я представлял себе более подходящие квартиры, чем те, что предстали моему взору. Здесь не было балконов. На привратнике не было ливреи. И никакого лифта, а мой инвалид проживает на четвёртом этаже! Подходя к дому и глядя на угрюмого человека, спускающегося мне навстречу, я желал никогда не знать жизни на Маунт-Стрит. Дверь мне открыл энергичный молодой мужчина в сюртуке.

– Здесь проживает господин Матурин? – спросил я.

– Да, здесь, – ответил он, приветливо улыбаясь.

– Я… Я пришёл по объявлению в Дейли Мейл.

– Вы тридцать девятый, – объявил он. – Тот мужчина, которого вы видели на лестнице, был тридцать восьмым и ведь ещё не вечер! Извините, что я смотрю на вас столь пристально. Да, вы прошли вступительный тест и можете пройти внутрь, скажу вам, что вы один из немногих. Большинство соискателей пришли сразу после завтрака, но сейчас привратник просто отказывает тем, кто не подходит по внешнему виду, поэтому тот последний мужчина был первым, кто вошёл в дом за последние двадцать минут. Прошу, заходите.

Меня отвели в пустую комнату с огромным окном эркером, что позволило моему энергичному знакомому осмотреть меня более пристально при хорошем

освещении. Сделал он это без лишней учтивости, а затем начались его вопросы.

– Учились в университете?

– Нет.

– Частная школа?

– Да.

– Какая именно?

Я ответил, и он облегчённо выдохнул.

– Ну наконец-то! Вы первый, с кем мне не нужно спорить о том, что такое частная школа, а что нет. Были исключены?

– Нет, – ответил я после минуты замешательства. – Нет, меня не исключали. И я надеюсь, что Вы не исключите меня из списка претендентов, если я в свою очередь задам вам вопрос?

– Конечно, нет.

– Вы сын господина Матурина?

– Нет, меня зовут Теобальд. Вы могли видеть это имя внизу.

– Вы доктор? – спросил я.

– Его доктор, – ответил он довольно. – Я личный доктор господина Матурина. Я порекомендовал ему нанять медбрата, и он желает, чтобы с ним рядом находился джентльмен, если таковой найдётся. Пожалуй, я отведу Вас к нему, хотя он принял только двоих или троих за весь день. Есть определённые вопросы, которые он предпочитает задавать самостоятельно, и я не хочу повторяться. Полагаю, мне нужно доложить ему о вас, прежде чем мы сможем продолжить.

Он прошёл в ближайшую к входной двери комнату, насколько я мог слышать, – квартира была действительно небольшой. Сквозь две закрытые двери я слышал лишь неясные голоса и не мог разобрать ни слова, оставалось просто ждать, пока доктор вернётся за мной.

– Мне удалось убедить моего пациента посмотреть на вас, – прошептал он, – хотя признаюсь, я не уверен в положительном результате. Его очень трудно удовлетворить. Готовьтесь к тому, что ваш наниматель с характером, и не ждите лёгкой жизни, если он наймёт вас.

– Могу я узнать, чем он болен?

– Конечно… но только после найма.

Провожая меня в комнату больного, доктор Теобальд был столь полон профессионального апломба, что я не мог сдержать улыбки, следуя за его покачивающимися фалдами. Я стёр улыбку со своего лица и шагнул через порог в тёмную комнату, где поблёскивало множество аптечных пузырьков и всё пропахло лекарствами, а посередине лежала на кровати измождённая фигура.

– Подведи его к окну, к окну, – грубо рявкнул лежащий человек, – и давайте посмотрим на него. Приоткрой штору. Да не так сильно, чёрт бы тебя побрал, не так сильно!

Доктор принял ругательство как комплимент. Увидев это, я перестал жалеть его. Мне стало ясно, что доктор не был опытен и это его единственный пациент. Я решил, что профессионализм доктора ещё нуждается в доказательствах, пока же я не был уверен, что мы вдвоём сможем ухаживать за больным. У господина Матурина было самое белое лицо, какое я когда-либо видел, его зубы блестели в темноте, а иссохшие губы растянулись в улыбке. Он не переставал улыбаться, даже когда говорил, и я не знаю ничего более жуткого, чем эта не сходящая с его губ улыбка. Он лежал, всё время улыбаясь и глядя на меня, пока доктор держал рукой штору.

– Значит, вы уверены, что можете ухаживать за мной?

– Я уверен, что могу, сэр.

– Вы будете полагаться только на себя! В помощь вам никого не найму. Вам придётся готовить и свои харчи, и те помои, которые мне прописаны. Думаете, справитесь?

– Да, сэр, думаю, что да.

– И почему же? У вас что, есть опыт подобной работы?

– Нет, никакого.

– Тогда почему вы ведёте себя так, будто он есть?

– Я лишь имел в виду: сделаю всё, что в моих силах.

– Имел в виду, имел в виду! И что же, вы и во всём остальном в своей жизни делали всё, что было в ваших силах?

Я опустил голову. Непредвиденные трудности. Я хотел было солгать, но что-то в этом больном заставило меня проглотить мою заготовленную ложь.

– Нет, сэр, не всегда, – ответил я честно.

– Хе-хе-хе! – захихикал старик. – Мне нравится, как вы отвечаете, сэр. Очень нравится. Если бы вы не смогли постоять за свои слова, тут же бы вылетели! Вы спасли свою задницу. Хорошо, в вас и впрямь есть потенциал. Значит, вы были учеником частной школы, отличной частной школы, но не студентом университета. Так?

– Всё верно.

– И чем же вы занимались после того, как отучились?

– Зарабатывал деньги.

– А после?

– Тратил заработанное.

– А после того?

Я молчал.

– А после того, отвечайте!

– Мой родственник скажет вам, если вас интересует моя биография. Он довольно выдающийся джентльмен и он пообещал дать свои рекомендации. Сам же я не хотел бы говорить вам об этом.

– Но вы должны, сэр, вы просто обязаны! Вы что же, считаете, я не понимаю, что выпускник такой частной школы согласится на эту работу только если случилось нечто экстраординарное? Всё, чего я хочу, это чтобы мой работник был джентльменом и мне не важно какого сорта, но вы обязаны рассказать мне, что же с вами приключилось, даже если вы не расскажете больше никому другому. Доктор, вы можете идти к чёрту, если вы не понимаете намёков. Возможно, этот человек подойдёт нам. Поэтому ваше присутствие, доктор, сейчас не обязательно, подождите, пока я переговорю с ним и решу, подходит ли он. Да выйдите же вы! И если вы считаете, что я вас обидел, сэр, запишите это на мой счёт!

Резкий голос больного совсем окреп в результате нашего интервью, поэтому последнее ругательство он уже совсем прокричал вслед быстро уходящему медику, глядя на него, я готов был поклясться, что он последует совету своего пациента и действительно потребует от него компенсацию за моральный ущерб. За дверью спальни закрылась и следующая, наружная дверь, а затем шаги доктора послышались на лестнице. Таким образом я остался наедине с этим жутким и ворчливым стариком.

– Ну наконец-то он ушёл! – прохрипел инвалид и чуть приподнялся, опираясь на локоть. – У меня, может, и мало сил в теле, но моя старая душа жива. Поэтому мне бы хотелось видеть рядом с собой джентльмена. Я слишком зависим от этого малого. Он даже запрещает мне курить и торчал в квартире весь день, следя за мной. Вы найдёте сигареты за «Мадонной в кресле».

Это была гравюра великого Рафаэля, между её рамой и стеной виднелся небольшой зазор, из которого при прикосновении выпала пачка сигарет.

– Спасибо, а теперь – огоньку.

Я зажёг спичку и дал ему прикурить, инвалид с удовольствием затянулся – уже вполне нормальными губами. Я вздохнул, вспомнив своего дорогого бедного друга Раффлса. Кольцо дыма, которое выпустил старик, было достойно самого А. Дж. Раффлса.

– Возьми и себе сигарету. Да, приходилось мне курить сигареты и похуже. Но им далеко до Салливанз!

Я не помню, что сказал или сделал тогда. Я знаю только одно… точнее, я знал только одно – передо мной был А. Дж. Раффлс собственной персоной!

II

– Да, Банни, заплыв был ужасен, нет ничего хуже, чем утонуть в Средиземном море. Тот закат спас меня. Всё море покрылось огнём. Я почти не погружался под воду, знал только, что нужно грести к солнцу, пока оно светило, я был невидим, а когда оно окончательно скрылось, я был уже в миле от того места. Надеюсь, меня не сочли самоубийцей. Меня, конечно же, скоро обнаружат, Банни, но уж лучше я пойду на виселицу, чем сам откажусь от своей игры.

– О, дорогой мой друг, не могу поверить, что вижу тебя вновь! Теперь наше плавание на том немецком лайнере и всё, что случилось после, кажется просто кошмарным сном. Я был уверен, что видел тебя тогда в последний раз!

– Да, вполне могло быть и так, Банни. Я поставил на кон всё. Но игра удалась, и когда-нибудь я расскажу тебе обо всём.

– О, я тебя не тороплю. Мне достаточно и того, что ты жив. Мне не важно, как и почему ты добрался сюда, но боюсь, ты себя ужасно чувствуешь. Для начала мне нужно хорошенько посмотреть на тебя, прежде чем я позволю тебе сказать хоть

слово!

Я поднял одну из штор, сел на краю его постели и стал осматривать его. Конечно же, я не мог сделать никаких заключений по поводу его здоровья, но мне было ясно, что мой дорогой друг уже не тот и никогда не будет прежним. Он постарел лет на двадцать и выглядел как минимум на пятьдесят. Его волосы и лицо были белы, и он явно не использовал никаких трюков, чтобы создать такой эффект. Морщины в уголках его глаз и губ были многочисленны и глубоки. Несмотря на это, его серые, со стальным отливом глаза светились жизнью, а взгляд был острым и внимательным, как прежде. Даже губы, держащие сигарету, были губами Раффлса и никого другого, только он мог усмехаться так цинично и смело. Казалось, что только физическая сила покинула его, но и этого было достаточно, чтобы я почувствовал жалость к дорогому мне старому мошеннику, из-за которого я потерял все свои связи, кроме нашей с ним.

– Ну что, думаешь, выгляжу намного старше? – спросил он после продолжительного молчания.

– Немного, – подтвердил я. – Но это из-за волос.

– Всё из-за этого долгого заплыва, так я думаю. Поверь мне на слово, на острове Эльба всё слишком чудное. А в Неаполе ещё хуже!

– Так ты всё-таки направился туда?

– А как же! Это воистину европейский рай для таких, как мы. Но там не найдётся прохладного местечка, как в Лондоне, здесь никогда не становится слишком жарко для жизни, а если кому-то некомфортно здесь, он сам виноват. Отсюда не выгоняют, если ты сам не решишь уехать. И вот я вновь здесь, уже шесть недель как. И я готов к любым авантюрам.

– Но, дорогой друг, ты же не совсем здоров!

– Не здоров? Мой дорогой Банни, я мёртв и лежу на дне морском, не забывай об этом ни на минуту.

– Так ты в порядке или нет?

– Нет, моё тело отравлено снадобьями Теобальда и мерзкими сигаретами, я ослаб от долгого нахождения в постели.

– Тогда зачем лежать в постели, Раффлс?

– Потому что это лучше, чем лежать на нарах – ты же, мой бедный друг, знаешь многое об этом. Я уже сказал тебе, я мёртв и единственное, чего я боюсь – это случайно ожить. Разве ты не заметил? Я боюсь нос высунуть за дверь в дневное время. Ты и представить себе не можешь, как много бытовых мелочей недоступны покойнику. Я даже не могу позволить себе курить Салливанз, потому что никто другой в Лондоне не был так пристрастен к этой марке, как я. Никогда не знаешь, что выдаст тебя, пока не будет слишком поздно.

– Что привело тебя в этот дом?

– Мне нужна была квартира, и один человек, хороший человек, порекомендовал этот адрес, когда я был на судне, он дал свои рекомендации при подписании договора ренты. Прискорбное дело, меня снесли на берег на носилках: старик австралиец без единого друга на бывшей родине, с единственным желанием умереть в Лондоне – вот история господина Матурина. Если эта сентиментальная история не затрагивает струны твоей души, Банни, то ты исключение. Но вот Теобальда она поразила больше всех. Я его единственный заработок. Похоже, он готов хоть жениться на мне.

– Он догадывается, что ты не болен?

– Он знает об этом! Но он не знает, что я знаю, что он знает. С тех пор как я стал его пациентом, он лечил меня от каждой болезни в медицинском справочнике. Я полагаю, он считает меня тяжёлым ипохондриком, но этот молодец пойдёт далеко, если продолжит в том же духе. Половину своих ночей он проводит здесь, получая по гинее за ночь.

– У тебя много денег, старина!

– Да, их было много, Банни. Больше ничего сказать не могу. Но уверяю тебя, что нет никаких причин думать, что их снова не станет много.

Я не стал допытываться, откуда появились гинеи. Меня это ничуть не волновало! Но я всё же спросил его, как он меня обнаружил, и он улыбнулся той улыбкой, с которой пожилые джентльмены потирают руки, а леди задирают носы. Раффлс же лишь выпустил идеальное кольцо сизого дыма, прежде чем ответить.

– Я ждал, когда же ты спросишь меня об этом, Банни. Давненько я не делал что-то более хитроумное. Конечно же, тебя выдали твои тюремные заметки, они не были подписаны, но там угадывалась твоя рука, усидчивый кролик!

– Но кто дал тебе мой адрес?

– Я навестил твоего редактора посреди ночи, как навещают людей другие призраки умерших, и через пять минут беседы уже выведал у него твой адрес. Я – твой единственный родственник, а твоё имя ненастоящее и если он настаивает, я представлюсь. Он не настаивал, Банни, и я ушёл от него уже с твоим адресом в кармане.

– Вчера ночью?

– Нет, на прошлой неделе.

– Тогда не только объявление – твоих рук дело, но и телеграмма!

Конечно же, я совсем забыл о них в связи с невероятными событиями этого часа. Раффлс смотрел на меня прежним взглядом, только с чуть более опущенными веками.

– Зачем все эти трудности? – воскликнул я возмущённо. – Почему ты не приехал ко мне сразу же, взяв кэб?

Он не стал говорить, что я всё так же безнадёжен. И не назвал меня своим добрым кроликом.

Он некоторое время молчал, а после заговорил тоном, который заставил меня пожалеть о моем недавнем возмущении.

– Видишь ли, есть два или даже три меня сейчас: один на дне Средиземного моря, другой – австралиец, желающий умереть в Англии, хотя ему это в ближайшее время не грозит. Старый австралиец не знает никого в этом городе, и он должен оставаться для всех незнакомцем, а иначе ему конец. Его единственный собеседник – молодой Теобальд, который видит его даже слишком часто и обычные трюки на нём не сработают. Понимаешь теперь? Вот найти тебя было действительно трудно, да ещё, чтобы Теобальд помог в этом! С самого начала он был против того, чтобы я нанял кого-то ещё, хотел, чтобы я был только в его руках, но после решил, что лучше уж делить меня с кем-то, чем обидеть курицу, несущую золотые яйца! Он будет получать пять монет в неделю, пока я остаюсь в живых, а в следующем месяце он собирается жениться. С одной стороны, это огорчает, а с другой, радует – ему понадобится больше денег, чем он предполагает, и он может стать нам полезным, когда придёт время. А пока что он покорно ест с моей руки.

Я похвалил Раффлса за великолепно составленную телеграмму, столь ясно отражающую характер моего известного родственника. Я поведал ему о том, как старый негодяй обращался со мной. Раффлс не был удивлён. Мы как-то отобедали вместе в доме моего родственника и составили список всех его ценных вещей. Раффлс рассказал мне, что телеграмма была подана с назначенным часом отправления в ближайшем к Вере Стрит отделении в ночь перед тем, как объявление появилось в Дейли Мейл. Всё это было продумано им, единственное, чего боялся Раффлс – это что его инструкции проигнорируют и телеграмму доставят раньше, за чем последует мой приезд к доктору за разъяснениями касательно его послания. Но все возможные причины неудачи были обдуманы, план постоянно корректировался, пока риск не стал минимальным.

Самый больший риск, согласно Раффлсу, был в самом доме: он, прикованный к постели инвалид, выходя из квартиры ночью, боялся, что Теобальд увидит его. Но Раффлс, используя свои трюки, минимизировал даже ту небольшую опасность, которая могла бы быть. Он описал несколько своих ночных вылазок, абсолютно ничего криминального в них не было. Пока он рассказывал мне об этом, я кое-что заметил. Его спальня была ближе всего к входной двери. Длинная внутренняя стена отделяла комнату не только от прихожей, но и от лестницы. Таким образом, лёжа в постели, Раффлс мог слышать каждый шаг по каменным ступенькам и не говорил ни слова, пока человек не поднимется и не пройдёт мимо его двери. Во второй половине дня появились несколько претендентов на должность, и я лично уведомил их, что вакансия закрыта. Было почти четыре, когда Раффлс внезапно посмотрел на часы и поспешил отправить

меня на другой конец Лондона за моими вещами.

– Боюсь, ты уже умираешь от голода, Банни. Я же ем очень мало и не по расписанию, но не бойся, я не забыл о тебе. Перекуси по пути, но постарайся сильно не наедаться. Мы должны отпраздновать сегодня же!

– Сегодня? – вскрикнул я.

– Сегодня, в одиннадцать у Кельнера. Ты, конечно же, удивлён, но мы не были там завсегдатаями и, похоже, что там уже сменились работники. В любом случае, один раз можно и рискнуть. Я был там вчера, изображая из себя американца, ужин уже заказан на одиннадцать.

– Так ты был уверен, что я приду!

– Заказать ужин стоило в любом случае. Мы будем ужинать в отдельном кабинете, но можешь и принарядиться, если у тебя есть приличная одежда.

– Есть, но почти все мои вещи – у единственного родственника, который меня простил.

– Сколько будет стоить поездка за вещами и обратно, если всё сделать быстро?

Я посчитал в уме.

– Десяти хватит.

– Тогда держи. А теперь поспеши. По пути ты можешь сказать Теобальду, что ты получил работу и сообщи ему, во сколько ты вернёшься, передай ему, что я не могу оставаться один всё время. И, чёрт возьми, вот ещё что! Купи билет в Лицеум у распространителя, здесь есть два или три на главной улице. Когда придёшь, скажи при докторе, что собираешься в театр. Так мы уберём его с дороги на вечер.

Мне не составило труда найти доктора, он был в своём кабинете, уже без сюртука, в рубашке, а у его локтя стоял высокий графин, я успел лишь единожды взглянуть на него – Теобальд подскочил и заслонил собой стол, эти

бесполезные усилия скрыть алкоголь вызвали у меня сочувствие.

– Значит, вас приняли, – сказал доктор. – Как я вам уже говорил, да вы и сами уже поняли, здесь не будет лёгкой работы. Для меня всё также непросто, я знаю, что многие отказались бы от пациента, который обращается со своим доктором подобным образом. Но профессиональные соображения не единственное, что нужно учитывать, и в подобном случае можно простить многое.

– Так что у него за случай? – спросил его я. – Вы обещали, что скажете мне, если меня примут.

Движения доктора Теобальда были настолько профессиональны, что даже пожимание плечами выдавало в нём медика. Но в следующий момент он оцепенел. Я по-прежнему говорил и выглядел как джентльмен, но теперь я был всего лишь медбратом. Он тоже вспомнил об этом факте и решил воспользоваться ситуацией, чтобы напомнить мне об этом.

– Ах, – начал он, – это было до того, как я узнал, что вы совершенно неопытны и должен сказать, я весьма удивлён, что господин Матурин решил всё же нанять вас, теперь лишь от вас зависит, как долго я позволю ему столь странный эксперимент. Насчёт случая моего пациента, нет никакого прока от моего ответа, который для вас будет китайской грамотой. К тому же я намереваюсь посмотреть на вашу способность действовать независимо. Я могу сказать только, что пожилой джентльмен представляет собой чрезвычайно сложный и проблематичный случай, что делает его лечение крайне трудной задачей, даже не беря во внимания определённые особенности, из-за которых это бывает невыносимо. На сегодня я не собираюсь более обсуждать своего пациента, но могу вас уверить, что я поднимусь к нему, если найду время.

Через пять минут он был уже там. Когда я вернулся, уже смеркалось, и я обнаружил, что доктор всё ещё находится в спальне больного. Но он не отказался от моего билета в театр, который Раффлс бесцеремонно предложил ему, заявив, что не отпускает меня сегодня.

– И больше не беспокой меня до завтра, – кричал он, уходящему доктору. – Я надеюсь хоть немного отдохнуть, я пошлю за тобой, если ты мне понадобишься.

III

Мы вышли из квартиры в пол-одиннадцатого, когда на лестнице царила тишина. Осторожно крадясь, мы не издали ни звука. Но когда мы оказались на лестничной площадке, меня ждал сюрприз. Вместо того, чтобы спускаться, Раффлс повёл меня вверх, мы преодолели два пролёта и оказались на совершенно плоской крыше дома.

– В этом доме два входа, – объяснил он мне среди звёзд и дымоходов, – один выходит на нашу лестницу, а другой за углом. Но единственный привратник живёт в подвале под нами, вблизи от главной входной двери. Выходя подобным путём, мы не встретим ни его, ни Теобальда. Я не сам до этого додумался, однажды увидел, как почтальон зашёл одним путём, а вышел другим. А теперь иди за мной и смотри под ноги!

Его предостережение пришлось кстати, когда я увидел, что в обеих половинах здания расположены Г-образные световые колодцы, идущие до самого подвала, а парапеты настолько низкие, что можно было легко запнуться и отправиться на тот свет. Однако вскоре мы оказались на второй лестнице, которая, как и первая, вела на крышу. Мы спустились и следующие двадцать минут провели в отличной двуколке, направляясь на восток.

– Мало что изменилось в этой дыре, Банни. Стало только больше этих рекламных объявлений о волшебных фонарях… у этого города совершенно нет вкуса, хотя вот эта конная статуя с позолоченными стременами и сбруей довольно неплоха. Почему бы тогда им не сделать чёрными сапоги всадника и копыта лошади?.. И, конечно же, стало больше велосипедистов. Тогда только всё начиналось, как ты должен помнить. Возможно, нам бы это пригодилось… А есть ещё древний кубок, помещённый в витрину к юбилею королевы! Чёрт побери, Банни, мы должны быть там. Мне бы не стоило гулять по Пикадилли. Если за тобой проследят, мне конец. Да и у Кельнера следует быть осмотрительными… А, вот мы и на месте! Я же говорил тебе, что изображаю здесь вульгарного янки? Постарайся быть таким же, пока официант не уйдёт.

Нас отвели в небольшую комнату наверху и на пороге я, даже зная моего славного Раффлса в прошлом, был поражён тем, что увидел. Стол был накрыт на три персоны. Я спросил его об этом шёпотом.

– А то как же! – гнусаво ответил он. – Эй, парень, хоть леди и не придёт, ты там оставь все приборы как есть. Если мне всё равно платить придётся за полный набор, пусть будет подано всё.

Мне не доводилось побывать в Америке, и я не хотел бы обидеть достопочтенную американскую публику, но его интонация и произношение произвели на меня невероятное впечатление. Мне пришлось посмотреть на Раффлса, чтобы убедиться, что это именно он говорит. Но была и ещё причина, чтобы пристально посмотреть на него.

– О какой леди речь? – спросил я ошеломлённо при первой же возможности.

– О несуществующей. Им просто не нравится, когда эту комнату бронируют лишь двое посетителей, вот и всё. Банни! Мой дорогой Банни, этот тост за нас с тобой!

Мы чокнулись бокалами, наполненными жидким золотом вина Штайнберг 1868 года, но я боюсь, что моего писательского таланта не хватит, чтобы должным образом описать все изысканные угощения того ужина. Это был не просто приём пищи, и дело было не в том, что еды было множество, нас ждал настоящий пир для привередливых богов, достойный как минимум Лукулла. И это я, кто хлебал баланду в тюрьме Уормвуд Скраббс и потуже затягивал свой ремень на чердаке в Холлоуэй, сейчас сидел за этим столом и наслаждался этой восхитительной трапезой! Несколько раз сменили блюда, и я не мог сказать, какое из них понравилось мне больше всех, но, пожалуй, вестфальский окорок с шампанским занимает одно из главных мест. Мы пили и шампанское Поль Роже 84 года, которое было просто волшебно! Но даже оно не сверкало ярче, чем глаза счастливого негодяя, затащившего меня к самому дьяволу, и теперь он намеревался увести меня из преисподней под фанфары. Я хотел начать об этом долгий монолог. Я не понимал, почему мир принял меня, вновь добропорядочного человека, так жестоко. Когда я уже хотел поделиться с Раффлсом своими мыслями, меня прервал официант, который принёс не только ещё больше великолепного вина, но и серебряный поднос на котором красовалась визитная карточка.

– Приведи его сюда, – сказал Раффлс.

– И кого же это? – вскричал я, когда мы остались одни. Раффлс перегнулся через стол и стиснул мой локоть железной хваткой. Его глаза светились стальным

блеском.

– Банни, поддержи меня, – сказал он своим прежним, уверенным голосом, которому невозможно перечить. – Банни, поддержи меня, что бы ни случилось!

Не было времени сказать что-то ещё, дверь распахнулась, и вошёл, кланяясь, щеголеватый человек в сюртуке, на его носу поблёскивало золотое пенсне, в одной руке он держал новенькую шляпу, в другой чёрную сумку.

– Добрый вечер, джентльмены, – сказал он, приветливо улыбаясь.

– Присаживайтесь, – растягивая слова, ответил Раффлс. – Спешу представить вам господина Эзру Б. Мартина из Чикаго. Он мой будущий шурин. Это господин Робинсон, он управляющий в Спаркс и Компания, известной ювелирной фирмы на Риджент-стрит.

Я внимательно слушал, но ответил лишь кивком головы. Я был не уверен в своих актёрских способностях.

– Госпожа Мартин тоже должна была присутствовать здесь с нами, – продолжил Раффлс, – но, к сожалению, ей нездоровится. Мы отбываем завтра в 9 утра в Париж, если она сейчас не отдохнёт, то совсем не сможет поехать. Жаль огорчать вас господин Робинсон, но, как вы можете видеть, я вовсю рекламирую ваши изделия.

Раффлс продемонстрировал кольцо на своей правой руке, в электрическом свете замерцали бриллианты. Я мог бы поклясться, что пять минут назад у него на пальце ничего не было.

Помрачневшее от разочарования лицо торговца вдруг засияло, когда он увидел кольцо и начал разглагольствовать о его настоящей ценности и той сумме, которую Раффлс заплатил. Он предложил мне угадать эту сумму, но я сдержанно покачал головой. Редко был я столь молчалив, как в этот вечер.

– Сорок пять фунтов, – огласил ювелир, – хотя за него и пятьдесят гиней было бы не много.

– Вы правы, – согласился Раффлс. – Я подтверждаю, что это так. Но вы ведь, дорогой мой, получили за него наличные деньги и сразу же.

Я даже не пытался строить догадки насчёт его замысла. Оказавшись в такой ситуации, я почувствовал невероятную радость. Всё это навевало мысли о прошлом и было так похоже на обычное поведение Раффлса. Изменилось лишь моё восприятие.

По разговору я понял, что моя мифическая сестра должна стать женой Раффлса и он, в свою очередь, хочет угодить ей, осыпав её дорогими подарками. Единственное, что мне оставалось невдомёк, это кто кому подарил кольцо с бриллиантом, но за него уже заплатили и я ломал голову, думая о том, каким образом и когда. Мои размышления прервал ювелир, открыв свою сумку и продемонстрировав ряды драгоценностей. Каждое изделие лежало в отдельном футляре, сверкая отражённым электрическим светом. Мы втроём склонились над ними, я даже предположить не мог, что должно произойти дальше, но приготовился применить насилие. Полтора года за решёткой даром не проходят.

– Приступим, – сказал Раффлс. – Мы выберем за неё, а ты можешь после заменить то, что ей не понравится. Вы не против?

– Я хотел предложить то же самое, сэр.

– Тогда присмотрись к украшениям, Эзра. Ты лучше знаешь вкус Сэйди. Помоги мне выбрать.

И мы выбрали. Боже! Сколько мы выбрали! Кольцо, усыпанное бриллиантами. Оно стоило 95 фунтов стерлингов, и Раффлс даже не стал пытаться снизить цену до 90. Затем последовало бриллиантовое ожерелье ценой в 200 гиней, но можно было заплатить фунтами. Это украшение должно быть подарено женихом. Свадьба была решённым делом. Дабы подобающе исполнить роль брата, я решил действовать. Я показал на брошь в форме звезды, усыпанную бриллиантами (116 фунтов стерлингов) и сказал, что она бы ей понравилась, но её стоимость выше того, что я могу заплатить. За что под столом я получил по ноге пару болезненных пинков. Я боялся вновь открыть рот и кивками согласился, когда ювелир сбросил цену до 100. А после дело приняло скверный оборот, поскольку мы не могли оплатить всё это. По словам Раффлса, денежный перевод должен прийти из Нью-Йорка.

– Но, джентльмены, я ведь не знаю вас, – вскликнул ювелир. – Я даже не знаю, в каком отеле вы остановились!

– Я говорил, что мы остановились у друзей, – сказал Раффлс огорчённо, но не злобно. – Но вы абсолютно правы, сэр! Да, вы, несомненно, правы, и я не хочу, чтобы вы рисковали подобно Дон Кихоту. Но мне надо подумать. Да, сэр, я сейчас же что-нибудь придумаю.

– О, как бы я хотел, чтобы вы нашли выход, – ответил ювелир с чувством. – Моя компания уже удостоверилась, что вы обеспеченный человек. Но я должен придерживаться определённых правил и не могу принимать подобные решения, к тому же… вы говорили, что завтра утром отправляетесь в Париж!

– Да, в 9 утра будем в поезде, – пробормотал Раффлс, – и я слышал, что в Париже и шагу не ступишь, не увидев ювелирной лавки. Но это к делу не относится, не обращайте внимания. Я просто думаю о том, как нам поступить. Да, сэ-эр!

Он курил сигареты, вынимая их из коробки, в которой помещались 25 штук, мы с ювелиром предпочитали сигары. Раффлс сидел нахмурившись, по его виду мне сразу же стало ясно, что всё идёт не так, как он планировал. Я не мог не согласиться с ювелиром, невозможно просить о кредите в 400 фунтов, даже если он планировал заплатить 10 процентов от суммы. К тому же подобная схема была совсем не в духе Раффлса. Я же, в свою очередь, был готов в любой момент вцепиться в горло нашего гостя.

– Мы можем отправить вам деньги из Парижа, – не спеша предложил Раффлс. – Но как мы можем быть уверены, что вы отправите именно те изделия, которые мы выбрали?

Услышав это, ювелир напрягся. Имя его компании должно быть достаточной гарантией.

– Мне ваше имя не более знакомо, чем вам – моё, – заметил Раффлс с насмешкой. – Хотя я кое-что придумал! Упакуйте-ка всё вот сюда!

Он высыпал оставшиеся сигареты из жестяной коробки, а мы с изумлением следили за его манипуляциями.

– Упакуйте всё сюда, – повторил Раффлс, – три изделия, что мы выбрали. Без футляров – просто обложите их ватой. А сейчас мы позовём официанта, попросим принести нам немного бечёвки и сургуча, опечатаем коробку, а вы заберёте её с собой. В течение трёх дней мы получим деньги и переведём нужную сумму вам, а после вы отправите нам эту запечатанную коробку! К чему столь печальный вид, господин ювелир, вы же нам совсем не доверяете, почему мы в свою очередь должны поверить вам на слово? Позвони в колокольчик, Эзра, узнаем у них, есть ли в этом заведении бечёвка и сургуч.

Через минуту нам принесли и то, и другое. Ювелиру это совсем не понравилось. Он думал о том, что такая осторожность совсем ни к чему, но тот факт, что все изделия находились при нём – как проданные, так и непроданные – заставил его забыть об обиде. Он своими руками упаковал ожерелье, кольцо и брошь со звездой в вату и всё так легко утонуло в коробке, что в последнюю минуту Раффлс чуть было не добавил к изделиям ещё одну брошку в форме пчёлки, стоимостью в 51 фунт и 10 шиллингов. Но, к явному огорчению ювелира, он передумал. Сигаретную коробку обвязали и опечатали, почему-то в ней в последний момент оказалось ещё и ранее купленное бриллиантовое кольцо.

– Надеюсь, вы сохраните для меня и эту безделушку, – рассмеялся Раффлс и передал ювелиру коробку. – А сейчас, господин Робинсон, я надеюсь, вы присоединитесь к нам, мне не хотелось отвлекать вас раньше, когда мы говорили о деле. Это Шато Марго, сэр, то, что вы, ювелиры, называете 18-каратным изделием.

Когда мы возвращались в кэбе, я начал задавать вопросы и Раффлс резко осадил меня, поскольку кэбмен мог нас подслушать. Я почувствовал укол в сердце. Я ни уха ни рыла не понимал в делах Раффлса и этого человека с Риджент-стрит и, естественно, пытался вникнуть в смысл происходящего. Но я держал язык за зубами, пока мы не вернулись в квартиру тем же путём, каким и покинули её. Я молчал, даже когда Раффлс положил руки мне на плечи и улыбнулся знакомой мне улыбкой.

– Эх ты, кролик! – сказал он. – Но почему ты не мог подождать, пока мы не вернемся домой?

– Почему ты не мог поделиться со мной своим замыслом? – по обыкновению ответил ему я.

– Потому что ты всё ещё слишком наивен и у тебя нет актёрского таланта! На протяжении всего вечера у вас с тем бедным мерзавцем были совершенно одинаковые бестолковые лица, а если бы ты знал, в чём суть игры, ты бы не сидел с таким видом.

– Да ответь же, в чём был смысл?

– В этом, – ответил Раффлс и он со стуком положил коробку из под сигарет на каминную полку. Коробка не была перевязана бечёвкой. От удара она раскрылась. И в ней, бережно переложенные ватой, лежали: кольцо с бриллиантами за 95 фунтов стерлингов, ожерелье за 200 и выбранная мной звезда за 100!

– Коробки-дубликаты! – воскликнул я.

– Да, дубликаты, мой умный кролик. Одна из коробок, уже упакованная и взвешенная, лежала в моем кармане. Ты не заметил, как я взвесил в руке все три изделия вместе? Я точно знаю, что вы не видели, как я подменил коробки в самом конце, как раз, когда я объявил о покупке броши с пчелой, ты был слишком озадачен, а ювелир слишком увлечён торговлей. Это было самым простым во всём деле. А вот послать Теобальда в Саутгемптон за какой-то ерундой и отправиться в его отсутствие на Риджент-Стрит при свете дня, было действительно рискованно. Но в мире есть вещи, ради которых стоит рисковать. Неплохие коробки, верно? Жаль, сигареты в них не так хороши, как хотелось бы, но нужна была распространённая марка. Если бы я провернул всё с коробкой Салливанз, мне пришлось бы воскреснуть уже завтра.

– Но ведь они даже завтра не откроют коробку.

– Да, не откроют. А пока что, Банни, я, возможно, поручу тебе избавиться от награбленного.

– Только скажи, я готов сделать что угодно!

Мой голос звенел от веры свои же слова, но Раффлсу нужны были все доказательства, которые он мог получить. Я чувствовал, как сталь его взгляда проникает в самые глубины моего мозга. Но то, что он там увидел, похоже, удовлетворило его, потому что в следующий миг он пожал мне руку с

необычным для него пылом.

– Я знал это, знал. Только помни, Банни, в следующий раз я буду платить за всё!

И вы обязательно узнаете о том, как он заплатил за всё, когда придёт время.

Подарок на Юбилей

В Британском музее есть Золотая Комната, которая известна каждому иностранному туристу и путешествующему по Лондону американцу. Я же, будучи коренным лондонцем, никогда и не слышал о ней, пока Раффлс не предложил ограбить её.

– Чем старше я становлюсь, Банни, тем меньше я ценю так называемые драгоценные камни. Когда они хоть раз приносили нам хотя бы половину свей рыночной стоимости в фунтах стерлингах? Помнишь наш первый взлом – ты был тогда ещё совсем невинным и наивным. Мы взяли оттуда драгоценностей на тысячу фунтов и смогли сбыть их всего лишь за пару сотен. Ненамного лучше дело обстояло и с изумрудами Ардага, а с колье леди Мелроуз и того хуже. Но недавний сбыт украшений, добытых позапрошлой ночью, чуть меня не доконал. Жалкая сотня за товар ценою не меньше четырёхсот! А то кольцо с бриллиантом, наживка, которую я купил за 45 фунтов, ушло всего за 10. Пусть меня застрелят, если я хоть раз ещё притронусь к бриллианту! Пусть это будет хоть знаменитый Кохинор – такие камни слишком известны, никто не рискнёт их купить, а разбитый на части он катастрофически потеряет в цене. К тому же вновь придётся идти к скупщикам, а я покончил с этими разорителями раз и навсегда. Ты всё время говоришь о своих издателях и редакторах, литературные свиньи все они. Варавва не был грабителем или издателем, он был самым настоящим махровым барыгой. Что нам действительно нужно, так это Объединённое Общество Воров с каким-нибудь социально энергичным старым фальшивомонетчиком во главе, который бы помогал нам по разным бизнес-направлениям.

Раффлс выдавал эти богохульства полушёпотом не из уважения к моей единственной приличной профессии, а потому, что после жаркого июньского дня в маленькой квартирке мы встречали полночь на крыше. Звёзды сияли над

нашими головами, а огни Лондона горели под нами, между губ у Раффлса расположилась его любимая сигарета. Я втайне заказал ему коробку Салливанз и мой подарок пришёл сегодня, что и стало причиной вышеупомянутого монолога. Я мог бы закрыть глаза на его ругательства, но не мог проигнорировать основную мысль, которая была совершенно необоснованна.

– И как ты намереваешься избавиться от своего золота? – спросил я.

– Нет ничего проще, мой дорогой кролик.

– Эта твоя Золотая Комната заполнена золотыми соверенами?

Раффлс посмеялся над моей издёвкой.

– Нет, Банни, в основном старинными украшениями, ценность которых, надо признать, сильно завышена. Но золото – всегда золото, от Финикии до Клондайка, и если нам удастся обчистить эту комнату, мы неплохо заработаем.

– Каким образом?

– Я могу переплавить всё золото в слиток и сбыть его легально, сказав, что привёз его из Америки.

– А после?

– Они мне попросту заплатят наличными деньгами в банке Англии. Они обязательно заплатят.

Я критично относился к его плану, но ничего не сказал, пока мы ступали по крыше босыми ногами, передвигаясь бесшумно, как кошки.

– И как ты предлагаешь унести достаточно, – через какое-то время возобновил я разговор, – чтобы мы получили хорошую прибыль?

– Ты забегаешь вперёд, – сказал Раффлс. – Всё, что я предлагаю – это провести небольшую разведку местности. Посмотреть, что это за комната. Возможно, мы обнаружим место, где можно спрятаться на ночь – для нас, к сожалению, иных

вариантов нет.

– Ты хоть раз там был?

– Нет, но раньше у них и не было того, что можно спокойно пронести с собой. Я читал об этом, не помню, где именно… у них выставлен золотой кубок, который оценивается в несколько тысяч. Несколько безнравственно богатых скинулись и сделали такой подарок всей нации, а парочка богатых безнравственностью собирается украсть его для себя. В любом случае мы же можем просто взглянуть на кубок, не так ли, Банни?

Ещё бы! Я схватил его за рукав.

– Когда? Когда? Когда? – застрочил я, как пулемёт.

– Чем быстрее, тем лучше, пока у старины Теобальда медовый месяц.

Наш медик женился неделю назад, и никто не заменил его, по крайней мере, он не передал никому другому заботу о Раффлсе, пока его короткое время не будет в городе. Доктор Теобальд поступил весьма неразумно, думали мы. Хотя мне приходилось писать ему длинные и утомительные телеграммы, которые я отправлял дважды в день и которые вызывали у Раффлса смех.

– Ну так… когда же? – повторил я свой вопрос.

– Можно пойти туда завтра.

– Только на разведку?

Меня огорчала мысль о незначительности предприятия.

– Но иначе никак нельзя, Банни, мы должны знать о месте всё, прежде чем действовать.

– Ну хорошо, – вздохнул я. – Но обязательно завтра!

И на следующий день мы действительно отправились.

Я навестил привратника тем же вечером и, как мне думается, купил его абсолютную преданность за вторую по ценности монету Англии. История, которую выдумал Раффлс, была достаточно правдоподобной. Больной пожилой джентльмен, господин Матурин (насколько я запомнил его имя), хотел подышать свежим воздухом. И, по всей видимости, доктор Теобальд не позволял ему покидать квартиру, а больной просил меня отвезти его хотя бы на один день на природу, пока ещё держалась хорошая погода. Я был абсолютно уверен, что ничего плохого с ним от этого не случится. Принимая это во внимание, не поможет ли мне привратник в столь безобидной авантюре? Мужчина явно колебался. Я достал из кармана полсоверена. Тогда он сдался. Таким образом на следующий день мы с Раффлсом вышли в половине девятого утра, пока ещё было не так жарко, сели в нанятое нами ландо и дали указания кучеру отвезти нас в Кью-Гарденс и вернуться за нами в полдень. Привратник помог мне перенести больного вниз по лестнице, пока он сидел в арендованном нами для такого случая инвалидном кресле.

В сады мы добрались после девяти, через полчаса мой инвалид решил, что с него хватит и, опираясь на мою руку, встал и зашагал со мною к кэбу. Мы оставили сообщение для нашего кучера, доехали до вокзала, сели на поезд до Бейкер-Стрит, пересели в другой кэб и вот мы уже бодрым шагом входим в Британский музей, спустя несколько минут после его открытия в десять часов.

Сияло солнце, и этот предъюбилейный день для многих запомнился надолго. По словам Раффлса, было жарко так, будто Англия позаимствовала погоду у Италии и Австралии. А короткие летние ночи не давали асфальту, цементу, дереву и кирпичу Лондона остыть. У Британского музея в тени грязной колоннады ворковали голуби, а стойкие часовые выглядели менее стойкими, чем обычно, как будто их медали слишком тяжелы для них. Я увидел нескольких лекторов, которые проходили по своим делам под куполом музея. В отличие от работников, посетителей в столь ранний час было немного.

– Вот эта комната, – оторвавшись от буклета за два пенса, поведал Раффлс, изучающий его на скамейке – Её номер 43, нам нужно подняться по лестнице и повернуть направо. Пойдём, Банни!

Он шёл молча, длинными размеренными шагами, значение которых мне было непонятно, пока мы не оказались в коридоре у Золотой Комнаты, где он

повернулся ко мне и произнёс:

– От улицы досюда 139 ярдов, – сказал Раффлс, – не считая ступенек. Конечно, мы можем преодолеть это расстояние за двадцать секунд, но нам придётся буквально выбежать из музея. Нет, так не пойдёт, мы должны быть нарочито медлительными, Банни, даже если будет невыносимо тяжело.

– Но мы же пришли ради того, чтобы найти укрытие на ночь?

– Всё верно, на всю ночь. Нам придётся вернуться, затаиться в укрытии, а после смешаться с толпой на следующий день… и вести себя непринуждённо.

– Что?! С золотом в наших карманах?!

– И в ботинках, и в рукавах, и в брючинах! Предоставь это мне, Банни, и ты увидишь, как это будет легко провернуть с двумя парами брюк, сшитыми понизу! А пока – только разведка. Вот мы и пришли.

Нет нужды описывать так называемую Золотую Комнату, могу только сказать, что я был немало разочарован. Золотые изделия родом из мест, о которых мы читали лишь в классической литературе, были выстроены в ряд, спрятанные за стеклом. Каждое изделие представляло собой уникальный образец ювелирного искусства прошедших веков, но с профессиональной точки зрения проще было взломать одно лишь окно в Вест-Энде, чем каждый замок на стеклянных шкафах с произведениями искусства из Этрурии и Древней Греции. Золото может быть не столь мягким, как кажется – кто откусывает по кусочку от ложек, быстро останется без зубов. При работе над этими сокровищами золота использовали мало. На их красоту мне было наплевать, не носить же их мне. Но главным разочарованием стал, пожалуй, кубок, о котором говорил Раффлс. Более того, он тоже понял это.

– Да он же не толще листа бумаги, – сказал он, – и расписан эмалью, как пожилая светская дама! Но, клянусь Юпитером, этот кубок одна из самых красивых вещей, которые я видел в своей жизни, Банни. Я бы хотел владеть им просто ради его красоты!

Кубок, заключённый в квадратный стеклянный ящик, находился в конце комнаты. Поражённый Раффлс неотрывно разглядывал его. Возможно, эта вещь

действительно была прекрасна, но я совершенно не был настроен рассматривать её в таком свете. Под изделием красовалась табличка с именами плутократов, которые подарили нации эту безделушку. Глядя на табличку, я размышлял о том, кому достались 8000 фунтов стерлингов за неё, пока Раффлс пожирал глазами свою двухпенсовую брошюру, изучая её, как прилежная школьница, одержимая искусством.

– На нём изображены сцены мученичества Святой Агнессы, – читал он – полупрозрачная эмаль на рельефе… одно из самых значимых изделий своей категории. Да, я вполне согласен с этим! Банни, эх ты, обыватель, почему ты не можешь восхититься таким совершенством? Такой красоте нужно соответствовать! До этого никогда ещё не было такого мастерства нанесения эмали на столь тонкое золото. И как хорошо они придумали, подвесить крышку над кубком, чтобы можно было видеть, насколько она тонкая. Мне вот интересно – сможем ли мы подцепить эту крышку крюком?

– А вы попробуйте, сэр, – сухо произнёс голос за нашими спинами.

Сошедший с ума Раффлс решил, что мы одни в этой комнате. Я мог бы догадаться, что эта комната охраняется, но, как такой же сумасшедший, позволил ему рассуждать вслух. Перед нами стоял бесстрастный констебль в летней форме, со свистком, но без дубинки на боку. Святые небеса! Я его как сейчас вижу: среднего роста, с широким добродушным лицом, капельками пота на лбу и поникшими усами. Он строго посмотрел на Раффлса, а в ответ получил лишь озорной взгляд.

– Решили арестовать меня, офицер? – спросил он. – Вот будет потеха!

– Я этого не говорил, сэр, – ответил полицейский. – Но, право, ваши слова показались мне странными для такого джентльмена как вы, да ещё и в Британском музее! И он кивнул шлемом на моего инвалида, который вышел на прогулку в сюртуке и цилиндре, чтобы лучше соответствовать выбранной роли.

– Что?! – прогремел Раффлс, – вы подозреваете меня лишь за то, что я сказал, что хочу золотой кубок? Я признаю, что хочу владеть им, офицер, признаю! И мне не важно, кто услышит мои слова. Этот кубок – одно из самых восхитительных сокровищ, которые я видел в своей жизни.

Лицо констебля уже расслабилось, из-под его усов выглянула улыбка.

– Я могу вас заверить, что многие разделяют ваши чувства, – сообщил он.

– Вот именно. Я всего лишь сказал, что думаю, – беззаботно ответил Раффлс. – Но всё же, если говорить серьёзно, офицер, не считаете ли вы, что это весьма неразумно хранить столь ценную вещь в такой витрине?

– Он будет в сохранности пока я здесь, – ответил он полушутя, полусерьёзно. Раффлс изучающе смотрел на него, он – на Раффлса. Я же молча наблюдал за ними обоими.

– Похоже, вы здесь единственный охранник, – заметил Раффлс. – Разве это разумно?

В его тоне звучало беспокойство, которое выдавало в нём энтузиаста, боящегося за национальное сокровище, которое лишь немногие ценили так, как он. И действительно, сейчас в комнате мы были втроём. Когда мы сюда вошли, тут были ещё двое или трое посетителей, но через какое-то время они ушли.

– Я не один, – ответил офицер спокойно. – Видите стул у двери? Весь день здесь сидит дежурный.

– Тогда где же он?

– Разговаривает с другим дежурным за дверью. Если прислушаетесь, сможете услышать их голоса.

Мы прислушались и действительно услышали их, но не около двери. Я понял, что они не в коридоре, через который мы прошли сюда, а скорее за ним.

– А, вы о том человеке с бильярдным кием в руке? – продолжил Раффлс.

– Это вовсе не бильярдный кий! Это указка, – объяснил офицер.

– У него должно быть копье, – заявил Раффлс, распаляясь. – Или секира! Национальное сокровище должно охраняться намного строже. Я обязательно

напишу в Таймс об этом, вот увидите!

В какой-то момент, не внезапно, чтобы не навлечь на себя подозрения, Раффлс стал пожилым любителем совать нос в чужие дела. Почему в нём произошла подобная перемена, я не понимал, как и полицейский.

– Благослови вас Бог, – ответил офицер. – Всё под контролем. Даже не переживайте.

– Но, помилуйте, у вас при себе нет даже дубинки!

– Вряд ли она понадобится. Вы, сэр, просто пришли рано, через несколько минут здесь уже будет полно посетителей. И как вы знаете, когда в комнате толпа, вряд ли что-то случится.

– Вот как, значит, скоро здесь будет не протолкнуться?

– Да, уже вот-вот.

– А!

– Эта комната редко подолгу пустует. Наверное, потому, что скоро Юбилей.

– А между тем, что если бы мы с моим другом были профессиональными ворами? Мы могли бы мгновенно одолеть вас, мой дорогой!

– Нет, не могли бы. Вы бы наделали много шума.

– В любом случае, я всё-таки напишу в Таймс. Я отлично разбираюсь в таких делах и не позволю рисковать национальным сокровищем. По вашим словам, дежурный стоит за дверью, но я чётко слышу, что он на другом конце коридора. Я сегодня же примусь за письмо!

На секунду мы прислушались и поняли, что Раффлс прав. Затем произошли две вещи. Раффлс чуть отступил назад, приняв устойчивую позу, и приподнял руки, глаза его сверкнули. Жёсткие черты лица констебля озарились светом понимания.

– В таком случае я сделаю вот что! – вскрикнул он, потянувшись к цепочке на груди, где висел свисток. Он успел схватить его, но не использовать. Послышались два резких хлопка из двух стволов разом, констебль обмяк и повалился в мою сторону, я невольно придержал его.

– Отлично, Банни! Я его вырубил! Вырубил его! Сейчас же беги к двери и проверь, слышали ли что-нибудь дежурные и займись ими, если потребуется.

Машинально я последовал его приказу. Не было времени на размышления, протесты или упрёки, я был ошеломлён в той же мере, что и констебль перед тем, как потерять сознание. Но даже в полном замешательстве я действовал, как всякий настоящий преступник, полагаясь на свои инстинкты. Я побежал к двери, но сменил темп на прогулочный, когда оказался в коридоре, где остановился перед помпейской фреской. Здесь я мог слышать дежурных, которые сплетничали за дальней дверью, они даже не шелохнулись, когда из Золотой Комнаты донёсся глухой треск, который я отчётливо слышал.

Как я уже писал, в тот день было жарко, но я не чувствовал тепла, казалось, что пот застыл на теле ледяной коркой. В стекле, покрывавшем фреску, я уловил слабое отражение моего лица и испугался того, как я выгляжу, а Раффлс уже шёл ко мне, пряча руки в карманы. Но мой страх и негодование удвоились, когда я увидел, что ни в руках, ни в карманах явно ничего нет – его безумная выходка была самой бессмысленной и безрассудной за всю карьеру.

– Ах, интересно, очень интересно, но всё, что здесь есть, не сравнится с теми диковинами, что выставлены в музеях Неаполя или Помпеи. Ты просто обязан побывать там, Банни. Я даже всерьёз думаю о том, чтобы отвезти тебя туда. А пока… помедленнее! Никто ничего не заметил. Но мы привлечём ненужное внимание, если ты будешь так торопиться!

– Мы! – прошептал я. – Мы!

Мои ноги стали ватными, когда мы поравнялись с дежурными. К тому же Раффлс решил прервать их разговор, чтобы спросить, как пройти в Доисторический зал.

– Вам нужно подняться по лестнице.

– Благодарю. Тогда мы сделаем небольшой круг к Египетскому залу.

И мы более не прерывали их мирную беседу.

– Ты сошёл с ума, – с горечью произнёс я.

– Да, в тот момент, – признал Раффлс, – но сейчас нет, не беспокойся, мы выберемся. До выхода сто тридцать девять ярдов? Значит, сейчас уже осталось не больше ста двадцати. Ради Бога, Банни, медленнее. Прогулочным шагом, чтобы спастись.

Это единственное, что потребовало усилий. В остальном же нам просто повезло. Мы поймали кэб, едва выйдя из музея, и Раффлс выкрикнул: «До Черинг-Кросс» во всё горло, так, чтобы нас услышала вся улица.

Мы повернули на Блумсберри-Стрит не говоря ни слова, а затем Раффлс постучал в окошко кучера.

– Эй, куда это ты нас везёшь?

– До Черинг-Кросс, сэр.

– Я же сказал Кингс-Кросс! Сейчас же разворачивайся и гони во весь опор, иначе мы не успеем на поезд! Поезд на Йорк отправляется в 10:35, – добавил Раффлс, когда окошко закрылось, – Мы купим билеты, а сами спустимся в метро, выйдем на Бейкер-стрит, и уже оттуда – в Эрлз-Корт.

Через полчаса я посадил обессиленного от прогулки в Кью-Гарденс инвалида в его арендованное кресло, и мы с привратником потратили все силы, занося его наверх в квартиру! И только после того, как мы остались наедине, я поведал Раффлсу, используя самый выразительный английский, которым я владел, что я думаю о его выходке и о нём самом. Начав говорить, я уже не мог остановиться и Раффлс, как это ни странно, молча сносил все мои оскорбления, он был столь удивлён, что даже не снял цилиндр, а его поднятые от изумления брови, казалось, могли сами снять его.

– Это твоя обычная дьявольская манера, – гневно завершил я свою тираду. – Мне ты сообщаешь один план, а сам действуешь по другому!

– Но не сегодня, Банни, клянусь тебе!

– Ты хочешь сказать, что в музей ты пришёл, чтобы только найти укрытие на ночь?

– Конечно.

– И ты притворялся, что хочешь провести разведку местности?

– Я не притворялся, Банни.

– Тогда какого черта ты сделал то, что сделал?

– Любой, кроме тебя, понял бы причину, – ответил Раффлс, с незлобной усмешкой. – Всё из-за одного искушающего мгновения, когда охранник догадался о моих намерениях и дал мне понять, что догадался. Я не хотел нанести ему вред и не буду рад, пока не прочту в газетах, что бедолага жив. Жаль, что пришлось стрелять, но в тот момент другого выхода не было.

– Но зачем?! За желания, даже громко выказанные, не арестовывают!

– Я бы заслуживал ареста, если бы не поддался такому соблазну, Банни. Это был один шанс на миллион! Можно всю жизнь ходить в музей ежедневно и никогда больше не оказаться единственными посетителями этой комнаты в такой момент, когда охранники отошли за пределы слышимости. Это был дар богов, не принять его – значило бы противоречить самому Провидению.

– Но ты же ничего не взял, – заметил я. – Ты вышел с пустыми карманами.

Жаль, что у меня не было фотоаппарата, чтобы запечатлеть ту особую улыбку, что появлялась на губах Раффлса лишь в истинно великие моменты, которые случаются и в нашем деле. Брови его опустились, но цилиндр так и остался слегка приподнятым. И тут я, наконец, понял, где он спрятал золотой кубок.

Этот ценный трофей стоял несколько дней на его каминной полке, пока газеты писали статьи об истории кубка и его последних днях в музее. Даже на фоне Юбилея всех волновала эта история и, согласно газетам, лучшие представители Скотланд-Ярда искали преступников. Наш констебль был лишь контужен, и когда Раффлс прочитал об этом в вечерней газете, его и без того хорошее, совершенно не свойственное ему, настроение стало ещё лучше, что вновь напомнило мне о его безумии, с которым он принялся действовать в музее. Меня же кубок, как и прежде, не слишком впечатлял. Красивый, изящный, но уж очень лёгкий – золота после переплавки не наберётся и на трёхзначную сумму. И что же сказал на это Раффлс? Он ответил, что не собирается плавить кубок!

– Украв его, я преступил человеческие законы. В этом нет ничего страшного. Но уничтожить его будет преступлением против самого Бога и Искусства и пусть меня распнут на флюгере аббатства Св. Марии, если я сделаю это.

Когда он выражался подобным образом, спорить было бессмысленно, вся эта афера уже вышла за границы разумного и всё, что мне оставалось как рациональному человеку, это пожимать плечами и посмеиваться над абсурдностью ситуации. Ещё смешнее было наше описание в газетах: Раффлса назвали красивым юношей, а его невольного соучастника – пожилым низкорослым мужчиной мерзкой внешности.

– Да уж, Банни, поразительное сходство с нами, – сказал Раффлс. – Но вот о моем бесценном кубке они пишут мало. Ты только посмотри на него, посмотри на кубок! Есть ли на свете что-то более роскошное и одновременно скромное? Святая Агнесса, конечно, мучилась изрядно, но это стоило того, чтобы прийти к потомкам в таких эмалях на золоте. Не говоря уже об истории этого кубка. Понимаешь ли ты, что ему 500 лет и его владельцами были, среди многих других известных личностей, Генрих Восьмой и Елизавета? Банни, когда меня кремируют, положи мой прах в эту чашу и закопай нас вместе поглубже!

– А сейчас-то что с ним делать?

– Он – радость моего сердца, свет моей жизни и услада моих глаз.

– А если другие глаза увидят его?

– Они никогда не увидят. Ни за что.

Раффлс был бы слишком нелеп, если бы не осознавал своей нелепости, но под его сумасбродством ясно была видна искренняя любовь к любым проявлениям красоты. И его увлечение кубком было, как он сообщил, абсолютно чистой страстью, ведь главная радость обычного коллекционера ему, в силу обстоятельств, недоступна – он не мог похвалиться своим сокровищем перед другими. Однако в разгар этого безумия Раффлс и его разум, столь внезапно расставшиеся в Золотой Комнате, казалось, снова встретились.

– Банни, – взревел он, швыряя газету через всю комнату, – у меня есть идея, которая придётся тебе по сердцу. Я знаю, куда пристроить его!

– Ты имеешь в виду кубок?

– Да.

– Тогда прими мои поздравления.

– Спасибо.

– С выздоровлением.

– Премного благодарен. Но ты вёл себя чрезвычайно чёрство всё это время, Банни, и я решил ничего тебе не рассказывать, пока не завершу задуманное.

– Как будет угодно, – ответил я.

– Мне нужно будет уйти на час или два сегодня же вечером. Завтра воскресенье, Юбилей во вторник и Теобальд приедет к празднованию.

– Не важно, приедет он или нет, если ты отправишься попозже.

– Попозже нельзя. Там будет закрыто. Нет, не задавай мне вопросов, я ничего тебе не скажу. Иди в магазин и купи коробку печенья от Хантли и Палмера, любого сорта, но только именно этой фирмы. Нужна самая большая!

– Да что же ты задумал?!

– Никаких вопросов, Банни, я делаю свою работу, а ты свою.

Хитрость и триумф были написаны на его лице. Я выполнил его непонятное поручение за пятнадцать минут. В следующую минуту он уже открыл коробку и высыпал печенье на кресло.

– Дай газеты!

Я принёс ему кипу. После этого я смотрел, как он нелепо прощается со своим кубком, заворачивая его в газеты и, наконец, кладёт его в коробку.

– Теперь немного обёрточной бумаги. Я не хочу, чтобы меня приняли за помощника бакалейщика.

Когда он завязал всё бечёвкой, получилась аккуратная посылка. Гораздо сложнее было упаковать самого Раффлса, он надел на себя несколько слоёв одежды, чтобы привратник его не узнал, даже столкнувшись с ним за углом. Ещё не стемнело, но Раффлсу нужно было уходить, а когда он уходил, я и сам бы его не узнал.

Его не было около часа. Он вернулся, когда стало смеркаться, и первый вопрос, который я ему задал, касался нашего опасного союзника – привратника. Раффлс прошёл неузнанным, а обратно возвращался по обходному пути через крышу. Я облегчённо вздохнул.

– Так что ты сделал с кубком?

– Пристроил его!

– И за сколько? За сколько?

– Дай подумать. Две поездки в кэбе, почтовое отправление стоило шесть пенсов и ещё два пенса за регистрацию. Да, мне это обошлось ровно в пять шиллингов и восемь пенсов.

– Обошлось тебе! А что ты получил, Раффлс?

– Ничего, мой друг.

– Ничего?!

– Ни гроша.

– Я не удивлён. Я знал, что рыночной стоимости у этой штуки нет. И сразу тебя об этом предупредил, – сказал я раздражённо. – Так что же, чёрт возьми, ты с ним сделал?

– Отправил его королеве.

– Да брось ты!

Плут – слово с множеством значений, и Раффлс всегда, сколько я его знал, был плутом лишь в одном смысле этого слова, но сейчас передо мной стоял совсем другой плут – большой седовласый мальчишка, которым движут лишь веселье и озорство.

– Ну, вообще-то я отправил кубок сэру Артуру Бигге с указанием презентовать его Её Величеству с поклоном от вора, – поведал Раффлс. – Я подумал, что на меня обратят слишком много внимания в главном почтовом отделении, если я отправлю посылку самой королеве. Да, я проделал путь до Сент-Мартин-Ле-Гранд и зарегистрировал посылку там. Если за что-то берёшься, то нужно делать всё идеально.

– Но зачем, – простонал я, – вообще делать что-то подобное?

– Мой дорогой Банни, мы живём под сенью лучшего в мире монарха уже шестьдесят лет. Весь мир стремится отметить это событие по полной программе. Все нации возлагают дары к ногам Её Величества. Каждое сословие старается внести свой вклад… Кроме нашего. Я сделал это затем, чтобы и нашу братию не в чем было упрекнуть.

При этом я пришёл в себя, заражённый его энтузиазмом, назвал его порядочным человеком, которым он всегда был и будет, и пожал его руку настоящего смельчака. Но в то же время у меня были свои опасения.

– А нельзя по этой посылке выследить нас? – спросил я.

– Всё, что они могут извлечь – что посылку отправил любитель печенья Хантли и Палмер, – ответил Раффлс. – Поэтому я и послал тебя за коробкой. И я не написал ни слова на бумаге, которую можно проследить. Я напечатал два или три на девственной открытке – ещё пол-пенни убытку, – которую можно купить в любом почтовом отделении королевства. Нет, старина, вот сама отправка в главном почтовом отделении была опасной, там был детектив, я заметил его и в горле у меня пересохло от его вида. Давай выпьем виски и выкурим Салливанз, если ты не против.

Мы чокнулись бокалами.

– За Королеву, – сказал он. – Да хранит её Господь!

Судьба Фаустины

– Mar – ga – ri,

e perzo a Salvatore! Mar – ga – ri,

Ma l’ommo e cacciatore! Mar – ga – ri,

Nun ce aje corpa tu!

Chello ch’ e fatto, e fatto, un ne parlammo cchieu!

В наше открытое окно лились металлические звуки шарманки, под аккомпанемент которой зычный голос выкрикивал слова песни, приведённые мною выше – их непременно узнают те, кому Италия знакома более, чем мне. Они не скажут мне спасибо за напоминание о мелодии, что звучит сейчас на каждом углу в этой стране алоэ и голубых небес, но для них – в отличие от меня – она не будет звучать как непристойное сопровождение к трагедии.

Это было в начале августа, в жаркие дневные часы, столь же обязательные здесь, как смена дня и ночи. Я в гневе закрыл своё окно и подумал, не закрыть ли их и в спальне Раффлса, но в этот момент он зашёл в своей шёлковой

пижаме, которая благодаря хронической заботе доктора Теобальда была на нём с утра до вечера.

– Не нужно, Банни, – сказал он. – Мне нравится эта мелодия, я хочу её послушать. Взгляни-ка, кто эти парни.

Я высунулся из окна, чтобы удовлетворить его непонятное мне любопытство, даже сейчас я помню, какой горячий тогда был подоконник, когда я задел его своими локтями.

– Нищие в грязных одеждах, – сообщил я, оборачиваясь, – загорелые до черноты, щетинистые синие подбородки, сальные кудри и серьги в ушах. А одежда намеренно рваная, не понимаю, какой в этом шарм.

– Типичные неаполитанцы, – пробормотал Раффлс за моей спиной, – у них всегда так: один поёт, другой крутит шарманку.

– Он неплохо выглядит, их певец, – заметил я, когда мелодия завершилась. – Боже ты мой, вот это зубы! Он смотрит сюда и улыбается до ушей. Бросить ему что-нибудь?

– Хм, у меня нет причин любить неаполитанцев, но… всё это возвращает меня в то время… возвращает меня! Да-да, вот – каждому по одной.

Он положил мне в руку две полукроны, и я бросил их, как если бы это были пенни, даже не взглянув на них. Итальянцы принялись усердно отбивать земные поклоны, а я повернулся, чтобы протестовать против таких беспечных трат. Но Раффлс, опустив голову, нервно мерил шагами комнату, в глазах беспокойство. Слова его совершенно меня разоружили.

– Они вновь вернули меня туда, – повторил он. – Боже, они вернули меня!

Внезапно он остановился.

– Ты не понимаешь, Банни, старина, но, если ты хочешь, я поведаю тебе. Я хотел рассказать тебе, но никак не находил нужного момента, а эта история не из тех, что рассказывают просто ради того, чтобы заполнить тишину. Это не детская

сказка и в ней нет ничего весёлого от самого начала и до конца, даже напротив. Ты часто спрашивал меня, от чего поседели мои волосы и сейчас ты услышишь об этом.

Меня заинтриговало не только предисловие, но и само поведение Раффлса. Я никогда ещё не видел его таким. Его лицо попеременно меняло выражение от жёсткого до мягкого. Я впервые видел такую жёсткость в его чертах. И я впервые видел такую мягкость. То же самое происходило и с его голосом: он начинал говорить мягко, как женщина, затем продолжал с непривычной яростью. Но это было ближе к концу его истории, начало было привычным для меня. Единственное, что я бы изменил – это его рыцарский эпос об острове Эльба, который принял его с распростёртыми объятиями.

– Смертельный, мой дорогой Банни, не то слово, которым бы я описал этот клочок земли и его жителей-моллюсков. Но они начали с того, что ранили моё тщеславие, поэтому можешь считать меня предвзятым. Я появился перед ними как единственный выживший после кораблекрушения, уцелевший в бушующем море, но им не было до моей истории никакого дела. Они вели себя прилично. Мне не пришлось воровать, чтобы добыть себе обед и пару штанов, было бы более волнующе, если бы ситуация была такой. Но что за место! Как ты помнишь, Наполеон не смог жить там, но он продержался дольше, чем я. Несколько дней я проработал в их адских шахтах ради нескольких итальянских монет, что позволило мне сесть на деревянное судёнышко и перебраться на материк. Как же неблагодарен я был в тот момент, купаясь в красном закате, который невозможно забыть.

– Судно держало курс на Неаполь, но я сошёл на первой же остановке в Байи. В Неаполе слишком много англичан, но я подумал, что как только я изменю свою внешность и начну понимать итальянский язык, можно будет начать там охоту. В это время я получил работу в одном из самых чудесных уголков планеты, в которых мне удалось побывать. Место это было виноградником, который располагался на утёсе над морем, где я был домашней прислугой и мойщиком бутылок. За мою работу мне платили полторы лиры, что на наши деньги чуть больше шиллинга, но там было невероятное количество лучших сортов вина, которое лилось рекой. Так в течение восьми месяцев, мой друг, я был честным человеком. Какая роскошь, Банни! Я вёл экстраординарный образ жизни, словно Ирод, познавший добродетель, не украл и виноградины, лишь смаковал опасность быть обнаруженным со своими новыми принципами любым из воров, которых я знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/hornung_ernest-uil-yam/chernaya-maska-izbrannye-rasskazy-o-rafflse

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить